

# КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Орган Центрального и Московского Комитетов ВЛКСМ

## РЕДАКЦИЯ:

М. Черкасский, 3/4.

## ТЕЛЕФОНЫ:

Секретариат. . . . . 1-34-09  
Отд. секр. редакции . 4-22-77  
Введ. редакцией. . . . 3-26-88  
Отдел КСМ . . . . . 2-89-17  
ИНО. . . . . 1-15-42  
Отд. информ. и театр. 2-72-24  
Литер., искусство, библиограф. . . . . 4-51-54  
Политико-экономич. . . 2-54-22  
Бюро расслед. . . . . 2-39-05  
Массов. отд. физкульт. 2-89-28

## ГЛАВНАЯ КОНТОРА:

Тверская, 48.

## ТЕЛЕФОНЫ:

Отд. распростран. . . . 3-81-39  
Отд. об'явл. 2-53-77 и 3-42-93  
Отд. подписки, стол жалоб. . . . . 2-90-22

Подписная плата на 1929 год:  
на 1 м.—75 к., на 3 м.—2 р.  
15 к., на 6 м.—4 р. 25 к.  
на 12 м.—8 р. 25 к.

Суббота, 20 июля 1929 г., № 164 (1251)

# ЧЕХОВ О ЧИНОВНИЧЕСТВЕ

К двадцатипятилетию юбилею со дня смерти — 14 июля 1904 г.

А. П. Чехов, как известно, был прекрасным знатоком мира обывателей, чиновничества, средних и мелких служилых людей.

Взяток, невежество, тупость, протекционизм, высокомерие к подчиненным и подальшинство перед начальством, бумажная путаница и формальность вместо живого дела — все эти пороки чиновничьего мира Чехов вскрывал в своих произведениях с высоким мастерством, то с гневом их бичуя, то с тонким убийственным юмором высмеивая их.

Двадцатипятилетний юбилей со дня смерти А. Чехова совпадает с проводимой сейчас чисткой советского аппарата от чуждого элемента, большую долю которого составляет старое чиновничество. В наших учреждениях работают не только новые люди. Еще очень велика прослойка из бывших чиновников.

Правда, чиновничество за это время эволюционировало, в известной части поддалось революционной переделке. Но в массе советских служащих еще живы очень многие старые пороки, перенесенные на новую почву, и наблюдаются те же отрицательные специфические черты, что и во времена А. П. Чехова.

Поэтому творчество Чехова, крепко бытующее по чиновничьему миру, представляет сейчас для нас особый интерес.

От доброго старого времени у нас, к сожалению, осталось еще кое-где название на должность по классовому признаку, по протекции, за взятки, а не по пригодности человека.

В свое время Чехов боролся против протекционизма. Есть у него бичующая сказка «Ренка». Ренка, это — мальчик, имевший вместо головы репку. Но он имел родственников из правящего класса. И вот, дедка за репку, бабушка за деда, тетя за бабу, «сум-сперал» за тетку — и на высший администра-

тивный пост вытащили репку. Такой порядок назначения был настолько слеп, что даже те, которые хотели с ним бороться, оказывались чаще всего беспомощными. В рассказе «Дамы» директор народных училищ обещает место писца заслуженному семейному учителю, потерявшему голос, но губернаторша рекомендует на это место своего человека, и хотя директор знал его как бездельника, шалопая, он под протекционистским папоротком отдаст ему место.

Русские служилые люди, чиновники, испокон века держались на протекционизме. Еще в середине века на Руси были введены «путы», которые потом стали называться штатами. Обычно все эти «путные» должности занимались своими, а работу выполняли «беспутные», сверхштатные.

Пришедший просить работы (рассказ «Без места») видит, что начальника окружают десятки шикарных дам. Но он скоро узнает, что дамы эти ничего не делают. Вся работа ложится на плечи разных сверхштатных служащих, получающих 10—15 рублей в месяц.

Высокие должностные лица также не отставали в бездельничанье. Все их командировки, разъезды, сьезды были лишь предлогом увильнуть от настоящего дела. В рассказах «По делам службы», «Надлежащие меры» Чехов вскрывает действительную суть этих «деловых командировок». Чиновник, едущий по различным делам, встретившись с знакомым, забывает о своих делах и занимается водкой, картами и любовными похождениями. Слуги знают нрав своих начальников и уже сами распоряжаются в таком случае распрячь коней, так как «гуляба дня три будет».

Население прекрасно видело полное равнодушие чиновников к своим служебным обязанностям и к народным тяготам и нуждам. В рассказе «Мужики» крестьяне «даже не выражению

длиной, худой спины пристава видели, что он уже не помнит ни о подопытках, ни о старосте, а думает о чем-то своем собственном». О безучастном отношении к делу к людям говорит и другой рассказ Чехова — «В суде». Прокурор не интересуется делом об убийстве мужем жены, а взволнован читаемым во время процесса «Капном» Байрона.

Свое ничтожество, убожество, пискливость начальство прикрывает важностью и высокомерием. В рассказе «Именины» Чехов меткими чертами нарисовал чиновничий образ. «На председательском кресле он совершенно менялся: величественные жесты, громовой голос — «что-с, п-да-с», небрежный тон. Все обыкновенное, человеческое исчезло в величии, на кресле сидел какой-то другой человек, которого звали председателем. Сознание, что он — власть, мешало ему покойно сидеть на месте, и он искал случая, чтобы позволить, строго взглянуть на публику, крикнуть. Откуда-то вдруг бралась близорукость и глухота: он начинал плохо видеть и слышать и морщась требовал, чтобы говорили громче и ближе подходили к столу. С высоты величия он плохо различал лица и звуки, так что если бы подошла к нему жена, то он и ей бы крикнул: «Как ваша фамилия?»

Общезвестны любовь чиновничества к орденам («Орден»), мундирам («Капитанский мундир»), величественным титулам, названию себя старшим, когда не было других («Рассказ старшего садовника»), требованию от населения особой вежливости и почта при грубом отношении к нему («Ты и вы»), полное непонимание психологии населения («Злоумышленник»).

Чеховым посвящен специальный очерк — «Мой разговор с почтмейстером» — ненужной бумажной процедуре учреждений. Чиновник и сам часто не понимает, зачем нужна эта процедура, зачем, например, почта выбивает 5 печатей на конвертах. Почему даже при условии, что чиновник отлично знает обывателя, — в бане с ним мылся, — все же он должен потребовать удостоверения личности? Ответ чиновника гласит:

«Нельзя без этого, а если рассуждать обо всем, то и мозги раскорячатся, и не нашего ума это дело». От такой постановки дела среди чиновничества и подвизаются улитеры Пришибевы, для которых форма выше всего. Вот деревенский адвокат Шельма, сумевший обойти букву закона в пользу себе и во вред крестьянству («Староста»). Вот вор, обокравший крестьянина, прибавивший его к еще грозивший, что крестьянин по наговору в остроге насидится («Встреча»).

Чехов в одном из своих писем сурово журит товарища писателя за то, что тот поверил министерским отчетам, не вдумавшись в то, что цифры ежегодно остаются одни и те же и выражения о достижениях повторяются стереотипно в каждом отчете. Разве это не напоминает нам многие ведомственные отчеты и наших советских учреждений? В одном из своих анекдотов Антон Павлович объясняет обычай обманывать 1 апреля тем, что в этот день духовное ведомство представляло отчеты о своей деятельности.

В последнее время особенно сильно было обвинение наших бирж труда в том, что работники бирж за взятки предоставляют безработным работу. Рассказ А. П. «Без места» — иллюстрация к этому положению. Взятка когда-то процветала во всю. Различие между бравшими взятки было лишь в том, что один брал открыто, на глазах у всех, другому нужно было положить взятку так, чтобы он случайно нашел ее среди своих книг и бумаг.

Чехов открыто и горячо выступал против взяточничества, бичевал его со всей страстностью. Взяточничество было бытовым явлением. Прасол, везущий скот в город, дает взятки, где требуют и где не требуют («Холодная кровь»). Чиновник убежден, что «сказать про живого человека неподкупен, честен, взятку не берет можно только в насмешку» («Оратор»).

Взятка берется с необычайной виртуозностью («Справка»), чиновник пахнувший знает даваемую ему кредитку. За-

стигнутый на месте преступления, он благородно и с негодованием возвращает деньги, но как-то выходит так, что, получив взятку в 25 рублей, он отдаст только 3 рубля («Без места»).

В утешение обираемому населению А. П. Чехов сатирически рассказывает о расхищении чиновниками казенного имущества с еще большей беззащитностью. Чиновник казенное имущество считает своим добром. Пожарные не могут выехать на пожар, потому что пожарных послал брандмейстер на базар — продавать близкий казенного овса, а на лошадях уехать его родственники и знакомые («Господа обыватели»).

При таком положении, конечно, вполне понятно, жалобная книга, это — юмористический анекдот, а ревизионная комиссия — наемное прикрытие для расхищения казенного имущества («Беда»).

Отражена в творчестве Чехова и записанность мелкого чиновничества от крупного. Это в значительной степени не изжито еще и теперь.

Подчиненный готов просить у начальника прощения, когда начальник публично его, только бы удержаться на месте («Неприятность»). Считается не унижением, а «торжеством победителя» путем подлизывания, добиться хорошего места. Поэтому, естественно, перед начальством чувствует чиновник свою беззащитность и меняется во всем («Два в одном»). Конечно, как шарж даже и для того времени трудно считать рассказ о том, как чиновник умер от страха, чихнув на лысину генерала, но в основе рассказа — верная мысль, шарж этот показателен. Весь заплеванный мир одури, тупости и убогости чиновников встает со страниц А. Чехова во всей своей отвратительной наготы. Много еще осталось в нашем совнапарате отвратительного и мерзкого. Не все мы вырвали и вывели. Чтобы окончательно изжить подлые традиции прошлого чиновничества, мы должны взглянуть в него пристально, изучить его хорошенько. И в этом деле произведения Чехова сослужат хорошую службу.

Н. К. КАЗАНЦЕВ.